

<https://www.kp.ru/daily/217179/4283734/>

8 сентября 2020 Комсомольская правда

Татьяна Рябинина

Первая партнерша по сцене о Дмитрии Хворостовском:

«Даже начинающий, Дима знал себе цену»

35 лет назад зажглась звезда Дмитрия Хворостовского: первые шаги дебютанта, всего за несколько лет вышедшего с красноярской сцены на сцены ведущих театров мира

В сентябре 1985 года выпускник красноярского Института искусств, стал солистом красноярского театра Оперы и балета. Никто тогда еще не знал, что он станет легендой. А сам Дмитрий – какой непростой путь ему придется пройти. Лариса Марзоева, первая партнерша по сцене звезды мировой оперы рассказала в

эсклюзивном интервью «КП» о первых годах его работы в театре и о дружбе с ним длиной в 33 года.

В Красноярском театре оперы и балета Хворостовский работал около 5 лет — с 1985 по 1990 год, и все эти годы он выходил на сцену со своей первой Ларисой Марзоевой. Сейчас Лариса Владимировна – народная артистка России, художественный руководитель оперной труппы театра оперы и балета имени Хворостовского, профессор кафедры сольного пения в Красноярском государственном институте искусств имени Дмитрия Хворостовского. И хорошо помнит, какими были первые шаги дебютанта, всего за несколько лет вышедшего с красноярской сцены на сцены ведущих театров мира.

Первым их совместным выступлением стала опера Юлия Мейтуса «Молодая гвардия», где Хворостовский исполнял роль Ивана Земнухова, а Марзоева играла Любовь Шевцову. Потом они вместе выходили на сцену в главных партиях главных оперных спектаклей мирового репертуара.

- Лариса Владимировна, расскажите о театре тех лет: новый театр, новая труппа, молодежь из разных городов – как проводили время?

- Дима принимал участие в спектаклях еще будучи студентом, и после окончания в 1985 году пришел в театр уже на постоянную работу, пришел в уже сформированный коллектив, театр открылся в декабре 1978 года. Он умел даже больше, чем уже сформировавшийся профессионал, был одарен не только голосом, но и желанием петь. Спектакли театра Дима слушал за кулисами, смотрел, кто как дышит, кто как готовится к выходу на сцену. Учился у всех как надо и как не надо. Сказать, что все обрадовались и приняли его, не могу. Театр – сложная структура, здесь каждый за себя, каждый считает себя талантом, выдающейся личностью. Но он знал себе цену. Это очень важно, чтобы существовать в творческом коллективе. Некоторые про Диму думали, молодой, а пальцы веером, - ничего подобного. Он утверждался в работе, пел такие партии, которые многие не могут спеть и за всю свою жизнь. А он даже не играл, а проживал свои роли, хотя

опера – искусство достаточно условное. Всегда говорю, что он поцелован Боженькой.

Кстати, по сравнению с другими театрами, где я работала, наш – просто детский сад, ясельная группа. Серьезных подковерных интриг у нас все же не было, чтобы кто-то кого-то подсидел, на кого-то настучал – нет. Наверное, потому, что театр молодой, все приехали после окончания консерваторий нашей тогда большой страны, все были в равных условиях, каждый утверждался как мог. Хотя акул хватало.

Я просто по фактуре ему подошла, сначала мы были просто как партнеры по сцене, потом сложились человеческие отношения. Мы встречались, делились впечатлениями. С Димой я дружила 33 года, вместе ездили за город, ходили на яхте по Красноярскому морю, - два или три лета, Дима уже не работал в нашем театре, приезжал в гости. Помню, что все, кто с ним был дружен, ему помогали.

- А были и те, кто не дружен?

- Были, конечно. Считали, что ему рано давать главные партии, ставили руководство перед выбором, либо я, либо он. Он не обращал внимания. Думаю, его это ранило, но он выстраивал стену перед собой.

- Может, поэтому он поддерживал молодых?

- Он моих ребят приглашал. Сам. Трижды они участвовали в его концертах. Я сама только однажды попросилась к нему на репетицию со студентами. Он разрешил и после этого сам пригласил спеть с ним на одной сцене. Эти ребята сейчас работают в нашем театре.

- У вас есть его подарки? Он был щедрым человеком?

- Если говорить о каких-то вещах, то нет. Но тут мы сошлись: я почему-то не люблю подарки. Его единственный подарок – античная вазочка, которую он привез, кажется, из Греции. Самый главный его подарок, когда он на встрече с главой Красноярска, тогда был Петр Иванович Пимашков, сказал про нашу семью: «У вас народные артисты живут в квартире размером чуть больше лифта, давайте им поможем». Он мог и промолчать, но он не промолчал, и город забрал у нас нашу маленькую квартиру и взамен мы получили другую. И еще он приехал и спел у меня на бенефисе – это вообще бесценный подарок!

Думаю, многие ждали, что он обязан что-то кому-то дарить. А он не обязан. Он сделал очень много: прославил наш город, русскую музыку, культуру. И дал много благотворительных концертов, в том числе и в Красноярске несколько – только в поддержку института, который

строился много лет. И как-то рассказывал, что у него за границей были такие моменты, когда с деньгами было туго.

- Какие у него были отношения с Екатериной Иофель на самом деле? Студенты рассказывали о тяжелом характере этого педагога и о нежелании с ним заниматься.

- В этом есть какая-то доля правды. Но он ее всегда поддерживал. Она всегда его ждала, и он всегда сам звонил и приходил. Поздравлял ее из Лондона с днем рождения. Это два очень сильных человека, две личности. Педагоги разные, я училась в Ленинградской консерватории, нас холили и лелеяли, мы были хрустальными розами, с которыми обращались очень бережно. Вокалист очень сильно зависит от настроения.

Она была жестким человеком, если ее проверку на выносливость пройдешь, все будет хорошо. Но я бы не хотела об этом говорить, ее уже нет с нами. Своей силой воли она сформировала кафедру, это ее заслуга.

- Как вы отреагировали на его первый брак – история развивалась на глазах у вас, да и у всего театра.

- На тот момент он тесно дружил с балетными, а между нами были только творческие отношения. Поэтому я не знаю, как и что там развивалось. Знаю, что когда ему надо было ехать на конкурс за границу, нужно было жениться, иначе не выпускали – так было в советское время.

Но потом мы общались со Светой, были у них на свадьбе, в его квартире в гостинице «Октябрьская». Гостей было мало, квартира маленькая. Все было хорошо, Света молодец, хорошая хозяйка. Правда, робкая. Дима рассказывал, что заставляет ее учить английский язык, а она стесняется говорить, хотя много уже понимает. А что там между ними произошло потом – не знаю. Мы хотя и дружили, но такими подробностями он не делился. Когда хоронили Диму, я не попала на кладбище, была в этот момент на телевидении и меня как раз спросили, почему он ушел от первой жены? А почему он должен перед нами отчитываться? Личная жизнь - это личная жизнь. Он человек и ничто человеческое ему не чуждо.

- Ну согласитесь, в то время, как вся страна уже много лет обсуждает бриллианты Людмилы Зыкиной, наследство Хворостовского публично не делят.

- Его главное наследство – его музыка. Он был фанатом русской музыки, он ее продвигал. И патриотом был настоящим! Кто из уехавших туда пел патриотические и военные песни? Да еще как пел!

- Ваше общение не прекратилось до его последних дней и вы всегда тепло о нем говорили. А если бы он вас забыл, что бы вы говорили тогда?

- Говорить если бы – не знаю. Ну не велика важность, если бы и забыл. Но не забыл. Все, что было спето Димой в красноярском театре – все со мной. Помню, где-то на гастролях заболела ангиной, температура под 40, но я же понимала, что если я не выйду на сцену, то и он не выйдет, потому что по фактуре ему подхожу только я. И я, ничего не говоря, отработала спектакль. В спектакле Онегин только в Заключительной сцене берёт Татьяну за руку. Он допел свою партию и шепчет: «Ларочка, какая ты горячая». А я не могла его подвести. Как он мог меня забыть? Никак! Да, бывает – человек обретает славу и забывает тех, с кем общался. Дима таким не был. Мы встречались, переписывались по смс, электронке. До последнего, пока он еще мог. Когда была с театром в Великобритании на гастролях, Дима звонил и спрашивал, как я там. Однажды встретились на гастролях в Москве, я выхожу из машины, слякоть, дождь, он меня подхватил на руки и донёс до гостиницы !

- Давайте представим, что Хворостовский остался в Красноярске. Как бы сложилась его жизнь и карьера? Мог ли он остаться?

- Думаю, те задачи, которые он поставил перед собой, не позволили бы ему остаться в Красноярске. Как бы он мог достичь того, что он достиг? А тут так сложилось, что вышел на орбиту. Он все время учился, совершенствовался. И с каждым приездом было заметно, как он набирает высоту. И это так и нужно, но не все могут и хотят! Кто-то бережет свой голос. Кто-то болезненно воспринимает советы других. А он, даже когда уже болел, пел прекрасно! На «Травиате» музыканты оркестра в финале засыпали всю сцену белыми розами. Он наклонился их поднимать и уже не сдерживал эмоции. Аня Нетребко стояла рядом и плакала.

Он вышел на мировую сцену не только для престижа, он любил музыку, это его образ жизни. Но Красноярск он не забыл, очень любил этот город. Я каждый его приезд удивлялась, как он вдыхал воздух полной грудью: «Ну чем ты тут дышишь? Что тебе тут нравится? У тебя в Европе воздух лучше!». Он мне даже как-то сказал в последний свой приезд: «Мне хотелось уйти в тайгу и там умереть». Потом прищурился и говорит, а может я еще поживу? У меня внучка сделала дипломную работу о Хворостовском, на основе моего интервью сняла фильм, который назвала «Комета». Он и правда пролетел как комета и сгорел.

- Как, по-вашему, можно и нужно хранить память о нем?

- Колледж во Владикавказе носит имя Гергиева еще при его жизни. И мы могли бы еще при жизни Димы это сделать. Но школу, институт, где он учился, переименовали только после его смерти. Родители хотят, чтобы был музей и при нем зал, где можно было петь и смотреть записи Димы. Видеоряд обязателен для обычного зрителя! Это профессионалы могут воспринимать на слух.

- Вы общались до последнего?

- К тому моменту переписка уже была краткой, он все же сильно болел. Наша последняя встреча была на его последнем концерте, который он дал в Красноярске 2 июня 2017 года. Все понимали, что он приехал прощаться. В зале многие плакали.

Мне прислали видео последних его репетиций. У меня была истерика и я решила это удалить, чтобы никто не видел. Он занимался до самого последнего дня.